

Балаш Александра Николаевна

ВЕЩЕВЕДЕНИЕ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПРОБЛЕМА МУЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассмотрен ряд актуальных идей и понятий, связанных с задачей осмысления истории материальной культуры в контексте проблем выявления и сохранения вещественных памятников как культурного наследия. Проанализирована специфика "вещеведения" как одной из концептуальных моделей, представляющих попытку системного описания и изучения предметного мира культуры в отечественном междисциплинарном гуманитарном дискурсе. Результатом проведенного анализа является обоснование учебных курсов "История материальной культуры" и "Вещь в контексте культуры", их преемственности в рамках учебной программы подготовки бакалавров и магистров на кафедре музеологии и культурного наследия Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2014/11/4.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (89). С. 32-35. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2014/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ASSESSMENT OF REGRESSION MODEL ADEQUACY BASED ON ERRORS IN EXPERIMENTAL MEASUREMENTS

Antonov Vladimir Aleksandrovich, Doctor in Technical Sciences
The Institute of Mining of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Antonov@igduran.ru

The paper represents methodical techniques in the assessment of regression model adequacy, which describes the regularity of the change of a dependent variable taking into account its single and multiple dimensions separated conventionally on the basis of the proposed criterion. The realization of multiple measurements effect, as it is shown in the example, can improve the accuracy of the desired regularity detection.

Key words and phrases: experimental measurements; regularity; random deviations; regression; model; determination coefficient.

УДК 069.01

Культурология

В статье рассмотрен ряд актуальных идей и понятий, связанных с задачей осмысления истории материальной культуры в контексте проблем выявления и сохранения вещественных памятников как культурного наследия. Проанализирована специфика «вещеведения» как одной из концептуальных моделей, представляющих попытку системного описания и изучения предметного мира культуры в отечественном междисциплинарном гуманитарном дискурсе. Результатом проведенного анализа является обоснование учебных курсов «История материальной культуры» и «Вещь в контексте культуры», их преемственности в рамках учебной программы подготовки бакалавров и магистров на кафедре музеологии и культурного наследия Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств.

Ключевые слова и фразы: вещеведение; вещь; артефакт; памятник культуры; культурное наследие; материальная культура; музеология.

Балаш Александра Николаевна, к. культурологии

Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств
alexandrabalash@gmail.com

ВЕЩЕВЕДЕНИЕ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПРОБЛЕМА МУЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ[©]

Дискуссия о вещеведении как области гуманитарного знания часто вызывает неоднозначную реакцию в профессиональной среде. Термину «вещеведение» трудно подобрать адекватное соответствие в международных гуманитарных исследованиях в рамках *cultural studies*. Его коннотация во многом обусловлена происхождением – отечественным гуманитарным дискурсом последней четверти XX века, где появление термина «вещеведение» оказалось связано с жизнестроительными идеями преодоления кризиса духовности, отчего сам термин обрел утопические черты.

Вопрос о вещеведении как об особом направлении гуманитарных исследований был поставлен М. Н. Эпштейном в рамках дискуссии, состоявшейся на страницах журнала «Декоративное искусство СССР» в 1984-86 годах по итогам выставки натюрморта и конференции «Вещь в искусстве» в ГМИИ им. А. С. Пушкина (1984 г.). В дальнейшем эта концепция была подробно раскрыта М. Н. Эпштейном в эссе «Вещь и слово. О лирическом музее» [10], а термин «вещеведение» вошел в составленный им «Проектный философский словарь» [11]. Окончательная редакция термина: «реалогия, вещеведение (от латинского “res” – вещь) – гуманитарная дисциплина, изучающая единичные вещи и их экзистенциальный смысл в соотношении с деятельностью и самосознанием человека» [Там же], определила его локальность, прикладной характер, вызвала недоверие к себе и препятствовала широкому внедрению в гуманитарных исследованиях, посвященных культурному наследию. При этом концепция М. Н. Эпштейна необычайно близко подводит к опыту экзистенциального восприятия единичной вещи в современном искусстве, в частности, в московском концептуализме [4].

Напротив, в отечественной археологии, по крайней мере в последнее десятилетие, «вещеведение» рассматривается как легитимная область научного знания, объектом которой является древний вещный мир, а задачами – «его всестороннее изучение, выявление закономерностей его развития и предсказание тех звеньев в эволюционной цепи, которые по разным причинам выпали или не попали в исследовательское поле зрения» [9, с. 11]. Основой подобного подхода сегодня, по мнению многих исследователей, является общая теория систем, которая «позволяет понимать вещь как нечто целое, находящееся в области взаимодействия разных наук» [Там же, с. 36]. Такое понимание вещи позволяет рассматривать ее как на уровне внешних –

символических, социальных, технологических – взаимосвязей, так и в контексте подсистем самой вещи, которыми можно назвать ее морфологию, технологию и материальную природу [Там же].

Междисциплинарность исследований проблематики вещи в культуре осознается и анализируется не только отечественными, но и многими зарубежными исследователями, однако, как и в России, прежде всего в области археологии [12]. В последнее время междисциплинарный дискурс по проблемам вещи в культуре развернулся также и на базе социологических дисциплин, в области изучения истории науки и научной футурологии.

Характерным для современного понимания проблематики предметной среды культуры стал проект «Онтологии артефактов», реализованный на базе Высшей школы экономики в Москве в 2010 г. и объединивший отечественных и мировых исследователей истории и философии науки и технологии (science and technology studies), которые представили свое видение истории и прогнозирование будущего развития предметной среды культуры. Обращаясь к исследованию различных аспектов возникновения и функционирования артефактов, исследователи формируют методики их междисциплинарного описания и анализа [6, с. 90-112]. «Нужно отметить, что теорий исторического развития артефактов как таковых практически нет, зато есть необъятное море концепций развития разных областей техники и технологии (от вооружений до агрокультуры и информационных систем), концепций развития изобразительного искусства, архитектуры, градостроения и проч. А ведь все это сферы производства артефактов. ...Если учитывающее все это многообразие исследование вообще выполнимо, то для качественного выполнения оно потребует многих лет и будет выражено в целой книге, если не в серии томов» [Там же, с. 94], – утверждает один из авторов данного проекта профессор Н. С. Розов. Таким образом, сегодня все очевиднее становится актуальность создания новой, основанной на междисциплинарном подходе, истории материальной культуры.

В отечественной философии в последние годы также наметился новый подъем интереса к феноменологии вещи, прежде всего отразившийся в проекте «Сила простых вещей», представленном в рамках Дней петербургской философии в 2013 году [8]. Характерно, однако, стремление философов вернуться к частному, конкретному, уникальному переживанию вещи (традиция, восходящая к описанию картины «Башмаки» Винсента Ван Гога в «Истоке художественного творения» Мартина Хайдеггера). Такой метод преемственно развивает методы М. Н. Эпштейна. Показательно и высказанное в рамках нового этапа дискуссии предположение, что «дискурс о простой вещи возможен. Только он может и не быть философским. Художественный опыт к сути простой вещи подходит ближе» [2, с. 23].

Таким образом, целесообразность применения термина «вещеведение» в дисциплинах, связанных с задачами выявления и изучения культурного наследия, к которым относится музеология, обусловлена сформированным в его рамках проблемным полем, предполагающим многоуровневое системное исследование и интерпретацию вещественных памятников. Это состояние современного междисциплинарного гуманитарного дискурса определило, в частности, концепцию курсов «История материальной культуры» (бакалавратура, 4 семестр, 3 зачетные единицы) и «Вещь в культуре» (магистратура, 1 семестр, 4 зачетные единицы) при подготовке бакалавров и магистров музеологии на кафедре музеологии и культурного наследия в Санкт-Петербургском государственном университете культуры и искусств.

«История материальной культуры» – дисциплина, которая читается бакалаврам второго курса после освоения ими основ истории и археологии и, наоборот, предусматривает изучение теоретических аспектов музеологии, которое начинается на старших курсах.

В современной гуманитарной науке в результате переосмысления концепта материальной культуры его предметное поле подверглось последовательной рефлексии и сомнению, локализовалось в «более традиционных философских контекстах, а также в социальных науках» [3, с. 348].

В связи с этим показательно определение материальной культуры как «все еще используемого, но явно условного термина» в словаре терминов учебного пособия «Теория культуры», разработанного кафедрой теории и истории культуры СПбГУКИ [1, с. 574]. Напротив, курс «История материальной культуры», принадлежащий к базовой части профессионального цикла подготовки студентов по специальности «музеология и охрана объектов культурного и природного наследия», предполагает возможность и необходимость новой углубленной рефлексии над содержанием и актуальностью этого понятия.

Технология обработки традиционных материалов в ее историческом развитии, морфология предметной среды, окружающей человека, и ее изменение в различных исторических эпохах – такова основная проблематика истории материальной культуры как научной и учебной дисциплины. Наиболее эффективная методика ее исследования на материале глобальных исторических эпох и цивилизаций была обоснована А. Оппенгеймом на материале наследия древних цивилизаций: «Более продуктивно сравнивать определенные технические приемы нескольких цивилизаций, нежели отдельно анализировать каждую цивилизацию и сравнивать полученные данные. В этом отношении вполне подходят такие темы, как металлургия, приемы ткачества, строительство домов, лодок и таких сложных устройств, как плуги, колесницы и музыкальные инструменты. Сравнения, касающиеся конкретных артефактов, должны охватывать не только форму, функцию и исполнение, но и выходить за пределы чисто описательного подхода и исследовать замысел, связи (вызов – ответ) между изготовителем и выбранным им материалом, между его инструментами и теми требованиями, которые он к ним предъявляет. Одинаково важны преимущества и экологические ограничения, которые часто определяют технологию, и прежде всего влияние идеологии» [7, с. 248]. Как представляется, подобные исследования могут фокусироваться и на тщательном сопоставлении

морфологии и технологии создания и функционирования конкретного предмета – сохранившегося до нашего времени памятника культуры, предполагают осмысление его значения в историческом контексте, в контексте символических связей породившей его эпохи.

Принципиальными для изучения курса музеологами являются преломление всей его проблематики через конкретные музейные предметы и музейные коллекции, анализ морфологии и семантики конкретных памятников культуры и искусства в оригинале (задания для самостоятельной работы формулируются на базе коллекции Государственного Эрмитажа), а также в цифровых репродукциях (в презентациях, подготовленных к лекциям, используются материалы электронных каталогов музеев мира, прежде всего, Британского музея, музея Виктории и Альберта и музея Метрополитен, чьи коллекции разнообразно отражают предметную среду различных культур и исторических эпох). В работе с конкретными музейными предметами эффективной может оказаться методика, использованная директором Британского музея Нилом Макгрегором в серии публичных выступлений в рамках культурных программ *BBC Radio-4*, реализованных позднее и в издательском проекте [5]. Ее цель – формирование заинтересованного зрительского отношения к артефактам истории и культуры, их актуализация для современного зрителя в контексте универсальной гуманитарной проблематики. Эта методика может быть эффективной и в работе со студентами на экспозициях музеев, и в построении самостоятельной работы студентов с музейными предметами.

Значительное внимание уделяется также письменным и изобразительным источникам, которые позволяют как можно более точно реконструировать среду бытования изучаемых вещественных памятников, их функции, а также сложившиеся вокруг них социальные и символические отношения.

Продолжением тематики курса «История материальной культуры» становится магистерский курс «Вещь в культуре», изучение которого направлено на осмысление мира вещей в его неразрывной связи с проблемами антропогенеза и культурной адаптации, преемственности поколений и межкультурной коммуникации. Здесь же изучаются уникальные, личностные аспекты диалога вещи и человека и их значение для истории мировой культуры. В рамках всех рассматриваемых в курсе тем ставится вопрос о принципах и методах сохранения предметного мира прошлого как культурного наследия и об институционализации этого процесса в музейных формах.

Занятия в рамках данного курса предполагают активное творческое соучастие студентов в процессе освоения материала. Постоянно создаются ситуации перекрестного характера, когда концептуальные моменты специальных исследований комментируются путем активного привлечения объектов современной художественной практики (арт-объекты, инсталляции). И это сопоставление старого и нового, отвлеченно-тематического и конкретно-практического позволяет студенту креативно осмыслить сложную культурологическую проблематику, своеобразную «игру о вещи и ее смыслах», которая сформировалась в гуманитарной исследовательской практике второй половины XX – начала XXI века.

Следует еще раз отметить, что процесс создания концептуальной базы рассмотренных курсов еще продолжается, так что предложенные материалы – лишь попытка рефлексии над начальным этапом работы с целью выявления дальнейших путей развития. Опыт современной культуры и цивилизации, последовательно ведущий к отчуждению предметной среды как тотального симулякра, нивелирующей фактуры и текстуры окружающего мира, определяет актуальность учебных курсов, посвященных вещи как «теплому» и «близкому» феномену культуры, способному преодолеть разобщенность и отчужденность современного общества.

Список литературы

1. **Большаков В. П.** Словарь терминов // Теория культуры: учебное пособие / под ред. С. Н. Иконниковой, В. П. Большакова. СПб.: Питер, 2010.
2. **Иваненко Е. А., Корецкая М. А., Савенкова Е. В.** Гекатонхейер и цветочек, или Как возможна философия простых вещей // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия, филология. 2008. № 1. С. 22-32.
3. **Ионин Л. Г.** Культура материальная и духовная // Новая философская энциклопедия: в 4-х т. М.: Мысль, 2001. Т. 2.
4. **Кабаков И., Эпштейн М.** Каталог. Библиотека Московского концептуализма Германа Титова. М., 2010. 343 с.
5. **Макгрегор Н.** История мира в 100 предметах. М.: Эксмо, 2012. 800 с.
6. **Онтологии артефактов. Взаимодействие «естественных» и «искусственных» компонентов жизненного мира** / ред. О. Е. Столярова. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012. 456 с.
7. **Оппенхейм А. Л.** Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Наука (Главная редакция восточной литературы), 1990. 319 с.
8. **Сила простых вещей:** сб. статей / ред. С. А. Лишаев. СПб.: Алетейя, 2014. 384 с.
9. **Щапова Ю. Л.** Введение в вещеведение: естественнонаучный подход к изучению древних вещей. М.: Изд. МГГУ, 2000. 144 с.
10. **Эпштейн М. Н.** Вещь и слово. О лирическом музее // Эпштейн М. Парадоксы новизны. М.: Советский писатель, 1988. С. 304-333.
11. **Эпштейн М. Н.** Реалогия // Проектный философский словарь: новые термины и понятия / под ред. Г. Л. Тульчинского, М. Н. Эпштейна. СПб.: Алетейя, 2003. С. 346-350.
12. **Fahlander F., Oestigaard T.** Material Culture and Post-Disciplinary Sciences // Material Culture and Other Things: Post-Disciplinary Studies in the 21st Century. University of Gothenburg, 2004. P. 1-19.

STUDY OF THINGS AS INTERDISCIPLINARY PROBLEM OF MUSEOLOGICAL EDUCATION

Balash Aleksandra Nikolaevna, Ph. D. in Culturology
Saint-Petersburg State University of Culture and Arts
alexandrabalash@gmail.com

The article discusses a number of relevant ideas and concepts connected with the task of understanding the history of material culture in the context of the problem of discovering and maintenance of material monuments as cultural heritage. The paper analyzes the specificity of “study of things” as one of conceptual models that represent an attempt of the systemic description and study of the material world of culture in domestic interdisciplinary discourse in the humanities. The result of the conducted analysis is the substantiation of the courses “The History of Material Culture” and “The Thing in the Context of Culture”, their succession in the framework of bachelors’ and masters’ study programs at the Department of Museology and Cultural Heritage of St. Petersburg State University of Culture and Arts.

Key words and phrases: study of things; thing; artefact; cultural monument; cultural heritage; material culture; museology.

УДК 343.3

Юридические науки

В данной работе проанализированы проблемы правоприменения отягчающего наказания обстоятельства, предусмотренного п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ (совершение преступления в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности). Исследуется квалификация подобного преступления в случае, когда вред причиняется виновным, полагающим, что женщина беременна, а она таковой не является.

Ключевые слова и фразы: беременная женщина; правила квалификации; отягчающее обстоятельство; преступления в отношении беременной женщины; посягательства на беременную женщину.

Белоусова Анна Игоревна

Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ДГТУ в г. Шахты
diva_2727@mail.ru

**АНАЛИЗ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИНЫ,
ЗАВЕДОМО ДЛЯ ВИНОВНОГО НАХОДЯЩЕЙСЯ В СОСТОЯНИИ БЕРЕМЕННОСТИ**[©]

Институт назначения наказания – один из важных в уголовном праве. Правильное толкование и применение его положений имеют большое значение. От того, насколько назначенное лицу наказание законно, обоснованно и справедливо, зависит достижение целей уголовного законодательства. Важную роль в указанном аспекте играют обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание.

К преступлениям, которые совершаются против беременных женщин, всегда было особенное нравственное отношение, так как женщины в данном случае находятся в беспомощном состоянии, они часто не могут оказать никакого сопротивления.

При посягательстве на беременную женщину страдают интересы потерпевшей, а также интересы её будущего ребенка, поскольку под угрозой находятся его здоровье и жизнь. При совершении преступления в отношении беременной женщины срок беременности не имеет никакого значения.

Беременность как фактор, который влияет на строгость наказания, впервые в отечественном уголовном законодательстве был закреплен в Уголовном кодексе РФ 1996 г. Плюсом является законодательное закрепление учета двусторонней значимости такого физиологического состояния и для потерпевшего, и для виновного. В дореволюционном законодательстве состояние беременности не рассматривалось в качестве фактора, который влияет на размер ответственности, а в советских Уголовных кодексах в этом отношении был такой подход, что беременность рассматривалась только как обстоятельство, смягчающее наказание.

В современное время совершение преступления в отношении женщины, заведомо для виновного являющейся беременной, учитывается на практике только в качестве квалифицирующего признака конкретного состава преступления. Так, например, К. совершил истязание женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности [7]. В то же время, несмотря на отрицательную характеристику, наличие многократных судимостей за насильственные преступления и подтверждение неоднократности совершения соответствующих преступных действий в отношении потерпевшей Г., суд лишен возможности учесть указанные факторы в качестве отягчающих обстоятельств в силу ограничения, предусмотренного ч. 2 ст. 63 УК РФ. К. был осужден по п. «в» ч. 2 ст. 117 Уголовного кодекса РФ [8]. Причем, даже если бы суд первой инстанции учел соответствующее обстоятельство в качестве отягчающего, впоследствии решение все равно было бы изменено.

То есть, обстоятельство, предусмотренное п. «з» ч. 1 ст. 63 Уголовного кодекса РФ, по сути, – «мертвое», существующее только формально, оно невозможное для правоприменения. Насколько бы ни было жестоким